

В. Г. Белинский

Русская драматическая литература...

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская драматическая литература...

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2898475*

Аннотация

Драма В. Гюго «Бургграфы», о которой преимущественно идет речь в заметке, по справедливому замечанию исследователей его творчества, представляет «пример падения таланта писателя, пошедшего по ложному пути». Белинский был прав, подвергнув критике ее искусственные построения. Подвергает критике Белинский и один из принципов романтической поэтики Гюго: о совмещении «прекрасного» и «уродливого».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский Русская драматическая литература...

*ПРЕДОК И ПОТОМКИ. Трилогия в стихах и
прозе*

Эта пьеса по-французски называется «Les Burggraves», а по-русски ее следовало бы назвать «Крикуны, или Много шума из пустяков». Гений г. Гюго, столько шумевшего в европейско-литературном мире назад тому лет десять с небольшим, теперь так низко упал, что даже наши доморощенные «драматические представители»^[1] – если б у них было хоть крошечку побольше ума, вкуса и образования – могли бы писать драмы не только не хуже, даже лучше «Бургграфов». Имя Гюго возбуждает теперь во Франции общий смех, а каждое новое его произведение встречается и провожается там хохотом^[2]. В самом деле, этот псевдоромантик смешон до крайности. Он вышел на литературное поприще с девизом: «le laid c'est le beau»^[4], и целый ряд чудовищных ро-

¹ «уродливое – прекрасно» (фр.).^[4] – *Ред.*

^[4] Гюго в предисловии к драме «Кромвель» (1827) утверждал, что уродливое существует «рядом с прекрасным, безобразное – рядом с красивым», что «в ис-

манов и драм потянулся для оправдания чудовищной идеи. Обладая довольно замечательным лирическим дарованием, Гюго захотел во что бы ни стало сделаться романистом и в особенности драматиком. И это ему удалось вполне, но дорогою ценою – потерей здравого смысла. Его пресловутый роман «Notre Dame de Paris»², этот целый океан диких, изысканных фраз и в выражении и в изобретении, на первых порах показался гениальным произведением и высоко поднял своего автора, с его *высоким черепом* и *израненными боками*^[3]. Но то был не гранитный пьедестал, а деревянные ходули, которые скоро подгнили, и мнимый великан превратился в смешного карлика с огромным лбом, с крошечным лицом и туловищем. Все скоро поняли, что смелость и дерзость странного, безобразного и чудовищного – означают не гений, а раздутый талант, и что изящное просто, благородно и не натянуто. Гюго писал драму за драмой, и последняя

кусстве прекрасное или безобразное зависит лишь от выполнения. Уродливое, ужасное, отвратительное, правдиво и поэтично перенесенное в область искусства, становится прекрасным» (В. Гюго. Собр. соч., т. 14. М., 1956, с. 82 и 84). Девиз «уродливое – прекрасно» (или: «прекрасное – уродливо») был упрощенным, карикатурным выражением этих принципов романтической поэтики Гюго, популярным в журналистике 1830-х гг., после появления романа «Собор Парижской богородицы». Об этом позднее писал в «Отечественных записках» 1848 г. В. Н. Майков: «Напрасно извязывают ей (школе Гюго. – Ю. С.) девиз: «le beau c'est le laid». Эта острота была очень хорошо употреблена один раз, как надпись под карикатурою автора «Notre-Dame de Paris»; но она вовсе не выражает сущности романтизма, указывая только на один, и притом еще случайный, его признак» (Вал. Майков. Критические опыты. СПб., 1891, с. 7).

² «Собор Парижской богородицы» (фр.). – *Ред.*

всегда выходила у него хуже предыдущей. Наконец, «Бургграфы» превзошли в ничтожности и пошлости все написанное доселе их автором. Это сцепление самых избитых эффектов, повторение самых истертых общих мест. Тут есть корсиканка, которая сорок лет дышит мщением за убийство ее возлюбленного. Она шлялась по всему свету, была в Индии и там научилась небывалому искусству по воле своей и умерщвлять и воскрешать людей. Посредством какой-то таинственной жидкости она заставляет чахнуть от изнурительной болезни племянницу Иова, бургграфа Эппенгефского, графиню Регину, и обещает влюбленному в нее стрелку Отберту излечить ее в одну минуту, если тот поклянется помочь ей в мщении и убить того, кого она ему укажет. Отберт этот был сын Иова Проклятого (в афишке названного, вероятно, ради смеха, *окаянным*),

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

То есть авторы «драматических представлений», как называли свои произведения для Александринского театра Н. А. Полевой, П. Г. Ободовский и др. См. статью «Александринский театр» и примеч. к ней.

2.

На отношение к Гюго прогрессивной и радикальной французской прессы и критики оказало влияние его временное примирение с режимом Июльской монархии. В 1841 г. он был избран в члены Французской академии. Его драма «Бургграфы» (1843) провалилась на французской сцене. На сцене Александринского театра драма не без успеха шла под названием «Предок и потомки» в переводе В. А. Каратыгина.

3.

Ср. отзыв о «Соборе Парижской богородицы» в статье «Русская литература в 1844 году» как о «натянущем, ложном и всячески фальшивом, хотя и блестящем произведении» (наст. т., с. 178).

4.

Гюго в предисловии к драме «Кромвель» (1827) утверждал, что уродливое существует «рядом с

прекрасным, безобразное – рядом с красивым», что «в искусстве прекрасное или безобразное зависит лишь от выполнения. Уродливое, ужасное, отвратительное, правдиво и поэтично перенесенное в область искусства, становится прекрасным» (В. Гюго. Собр. соч., т. 14. М., 1956, с. 82 и 84). Девиз «уродливое – прекрасно» (или: «прекрасное – уродливо») был упрощенным, карикатурным выражением этих принципов романтической поэтики Гюго, популярным в журналистике 1830-х гг., после появления романа «Собор Парижской богородицы». Об этом позднее писал в «Отечественных записках» 1848 г. В. Н. Майков: «Напрасно извывают ей (школе Гюго. – Ю. С.) девиз: «le beau c'est le laid». Эта острота была очень хорошо употреблена один раз, как надпись под карикатурой автора «Notre-Dame de Paris»; но она вовсе не выражает сущности романтизма, указывая только на один, и притом еще случайный, его признак» (Вал. Майков. Критические опыты. СПб., 1891, с. 7).